

часть, где служил Георгий, дислоцировалась на подступах к Москве. Бои были тяжелейшие, изматывающие. Сосед Георгия по окопу, не выдержав испытаний фронтом, прострелил себе правую руку, надеясь на отправку с передовой. Бойца действительно отправили в госпиталь, но через некоторое время «самострела» (так называли тех, кто сам себя ранил) привели в расположение роты и расстреляли перед строем.

Неожиданный аспект в войне увидел журналист И.П. Крисковец. В годы оккупации он редактировал кличевскую районную подпольную газету. Иван Павлович вспоминал рассказы некоторых красноармейцев, пришедших в партизанский отряд, о том, как впервые дни войны они не готовы были убивать немцев. Для бойцов враги олицетворялись с живыми людьми. Как можно было стрелять в человеческую плоть или пронзить ее штыком? Это бесчеловечно. В смутение приводил даже вид крови. Но эти человеческие чувства по отношению к захватчикам быстро пропали, т.к. перед бойцами были враги, которым чужды были жалость, сострадание, им не страшен был вид крови, тел убитых ими людей. За плечами захватчиков был опыт убийств не только солдат, но и самых беззащитных в войне людей – женщин, детей, стариков. И не жалость, а мщение диктовало поступки партизанам.

Уходят, уходят последние участники Великой Отечественной войны. Пока не поздно, запомним их рассказы об увиденном, пережитом, пусть это будут даже самые мельчайшие подробности военной трагедии.

Все – и героизм целого народа, и повседневность военных дней и ночей – все это летопись Великой Отечественной войны. В нее должны быть вписаны не только действия, поступки людей, но и их чувства, переживания. Нельзя допустить, чтобы душевные потрясения, душевная боль, горе жестоких военных лет вернулись на нашу многострадальную белорусскую землю.

Детальное описание военных лет в воспоминаниях – это также дань памяти тем, кто внес свою лепту в Победу, это памятник жертвам войны и ее героям.

**Е.А. Гребень, г. Минск (Беларусь),
Белорусский государственный аграрный технический университет**

ПРАВОНАРУШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЕВСКОГО МИРОВОГО СУДА)

Следствием нацистской оккупации Беларуси стало резкое падение жизненного уровня абсолютного большинства граждан. Исключительно сложная социально-экономическая ситуация сложилась в городах,

население которых испытывало огромный дефицит продуктов питания. Материалы Могилевского мирового суда дают представление об основных типах правонарушений, характерных для оккупационного периода.

В условиях тотального дефицита продуктов питания и промышленных товаров, несоответствия рыночных цен и заработков рабочих и служащих повседневной практикой ряда граждан стали кражи, ставшие в период оккупации наиболее типичным преступлением. В противоправные действия оказались втянуты как лица, уже имевшие судимости в довоенный период, так и граждане, имевшие постоянную работу, порой в кражах участвовали несовершеннолетние, кражи совершались одиночками и группами. Например, 4.06.1942 г. трое граждан 1926 и 1924 г.р., не судимые, работающие, взломав замок сарая, похитили 9 кур, а из другого незапертого сарая – 8 кур, которых разделили между собой. На судебном заседании 25.08.1942 г. свою вину признали и попросили суд о снисхождении и были приговорены к двум месяцам общественных работ и к 1000 руб. штрафа каждый [1, л. 129]. У гражданки было похищено 2 курицы, одну из которых обнаружили у другой женщины (безработная, 1918 г.р., ранее обвешавшаяся в краже), заявившей, что купила ее на базаре. Суд счел вину доказанной и 20.08.1942 г. приговорил к 14 суткам тюрьмы и штрафу на сумму 1000 руб. [1, л. 94].

В одном из случаев в краже с взломом обвинялась интернациональная группа. 3.08.1942 г. суд рассмотрел дело о краже вещей из дома гражданки группой лиц по предварительному сговору. Первый обвиняемый, белорус 1923 г.р., судимый в 1939 г. за хулиганство и в 1942 г. за кражу, был приговорен к месяцу тюрьмы без учета срока предварительного заключения, второй обвиняемый, украинец 1920 г. р., бывший военнопленный, с учетом смягчающих обстоятельств (в судебном постановлении не конкретизировалось каких именно) был приговорен к 14 дням ареста, третий обвиняемый 1923 г.р., русский, был приговорен к месяцу ареста без учета предварительного заключения. Во время сбыта краденых вещей один из преступников был задержан переводчиком немецкого лазарета, и суд вынес определение изъять вещи потерпевшей у переводчика, а если будет установлено его желание присвоить вещи, привлечь его к уголовной ответственности [1, л. 34 34 об.].

Материалы судебных дел показывают, что кража могла быть жестом отчаяния, Гражданка, не имевшая чем накормить ребенка, похитила курицу у соседки, свою вину признала. Принимая во внимание смягчающие обстоятельства, 16.07.1942 г. суд приговорил ее к 10 дням принудительных работ и обязал удовлетворить иск потерпевшей в 50 руб. [1, л. 92]. Гражданин 1922 г.р. (на иждивении находились мать и малолетние брат и сестра) посредством взлома проник в квартиры двух женщин, похитив вещи и деньги. Вещи были обнаружены в его квартире, факт кражи он признал и был приговорен к двум месяцам принудительных

работ, штрафу в 500 руб. и удовлетворению иска одной из потерпевших на сумму 320 руб. Мать обвиняемого за сокрытие краденого была оштрафована на 250 руб. [1, л. 108].

Кражи совершались при различных обстоятельствах. Похитивший из кармана женщины 100 руб. гражданин, был задержан полицией, деньги были возвращены потерпевшей. Мужчина 1918 г. р. без определенного рода занятий, дважды судимый за кражи, свою вину признал (поскольку являлся глухонемым, суд привлек сурдопереводчика) и был приговорен к 7 дням тюрьмы и принудительным работам на торфозаводе на 2 месяца и 23 дня [1, л. 33]. Летом 1941 г. в ходе боев за Могилев гражданка безрезультатно пыталась покинуть город (пришлось оставить у дороги бывшие при ней вещи). В 1942 г. она опознала свою юбку на Быховском базаре. Часть вещей была обнаружена полицией у другой гражданки, которая заявила, что вещи нашла ее мать еще в 1941 г. Купившая юбку на рынке гражданка 29.08.1942 г. судом была оправдана, реализовавшая найденные вещи гражданка была оштрафована на 300 руб. [1, л. 74].

Часто преступления совершались на рынке. Гражданин совершил на базаре кражу сумки с вареным мясом и опресноками (имелся соучастник, с которым планировалось разделить украденное). Оба гражданина (работали слесарями) были приговорены к 14 суткам общественных работ [1, л. 35]. У жительницы Дрибинского района на базаре была украдена миска с маслом, что заметила другая торговка. Полиция задержала гражданина 1909 г.р., имевшего судимость в 1933 г., который вину не признал и заявил, что купил масло; 25.08.1942 г. был приговорен к месяцу общественных работ [1, л. 37]. Двое работающих мужчин украли сумку с хлебом и огурцами у гражданина, приехавшего на базар, за что 29.08.1942 г. были приговорены к месяцу принудительных работ [1, л. 36].

Подвергнутая тюремному заключению за кражу гражданка сама превратилась в потерпевшую. На время ареста надзор за ее квартирой был поручен двум гражданам, один из которых присвоил вещи и продукты на сумму 14710 руб. (по оценке потерпевшей). Вещи были впоследствии обнаружены в его квартире. Суд 18.08.1942 г. приговорил гражданина к месяцу принудительных работ и обязал удовлетворить иск потерпевшей на сумму 500 руб. [1, л. 109]. В аналогичном случае вернувшиеся из тюрьмы супруги заметили пропажу вещей, которые были обнаружены в квартире соседки. Обвиняемая заявила, что это ее вещи. Следствие не смогло допросить потерпевшую по причине ее частых отлучек из Могилева в деревню, и суд проходил без нее. Гражданка 25.08.1942 г. была приговорена к аресту на 14 суток, хранящиеся у пристава 1-го района вещи суд распорядился вернуть потерпевшей [1, л. 119].

В кражах участвовали дети и подростки. Например, учащийся училища 1926 г.р. (стипендия 140 руб.) взломал квартиру и похитил 12 пачек махорки и 110 руб. Отец подсудимого возместил владелице ущерб;

20.07.1942 г. суд приговорил нарушителя к 14-ти дням принудительных работ и штрафу в 200 руб. [1, л. 80]. Мальчики 8, 8 и 15 лет совершили кражу вещей. Краденое разделили между собой 15-летний участник и не принимавший непосредственно в краже 16-летний подросток. Вещи были отобраны полицией. Гражданин 1927 г.р., бывший на иждивении родителей, 1.08.1942 г. был приговорен к 6 суткам тюрьмы, гражданин 1926 г.р. – к 10 суткам, родители 8-летних мальчиков были оштрафованы на 200 руб. [1, л. 55]. В другом случае два брата совершили 3 кражи из квартир граждан. Организатором выступал старший брат 1926 г.р., живший на иждивении матери (в 1939 г. судимый за кражу коровы); 4.08.1942 г. он был приговорен к 14 дням принудительных работ на торфозаводе и месяцу и 10 дням тюрьмы с учетом предварительного заключения, 13-летний брат как несовершеннолетний был освобожден от наказания [1, л. 140]. Трое обвиняемых 1925 и 1927 г.р. похитили 4 курицы, за что 22.08.1942 г. были приговорены к 20 дням общественных работ [1, л. 93]. Двое малолетних зашли в дом к 9-летнему мальчику и, пользуясь его слабоумием, уговорили его отдать им часть вещей. Украденную мануфактуру продали на базаре за 4,5 марки гражданке (1902 г.р., безработная), которая предложила принести ей остальные вещи. Скупщица краденного была приговорена к 20 суткам тюрьмы [1, л. 120].

Правонарушения детей могли инициировать рассмотрение судом дел о нарушении со стороны взрослых надзора за малолетними. 22.08.1942 г. состоялся суд по обвинению опекунов в плохом надзоре за малолетними. Мальчики 11 и 12 лет, находившиеся под опекой тетки и мачехи, украли и съели курицу. Суд указал опекунам на недостаточный надзор за детьми и постановил взыскать с них стоимость курицы (100 руб.) в равных долях [1, л. 134]. В тот же день было рассмотрено дело о плохом отношении к детям. Двое сыновей сбежали из дома и пришли в Минск к матери из-за того, что сожительница отца била их ремнем за то, что они во сне мочились. Гражданка данный факт признала. Было установлено, что отец относился к детям хорошо, и «его частные выпивки не влияли на плохое воспитание детей», поэтому он был оправдан, женщина оштрафована на 300 руб. Дело интересно также тем, что двое несовершеннолетних смогли пересечь границу тыла группы армий «Центр» и генерального округа Беларусь и добраться до Минска [1, л. 83].

Происходило хищение государственной собственности. Шофер транспортного отдела 9.07.1942 г. получил в Журавичском заготовительном пункте 500 шт. яиц, а сдал в Могилеве на склад 416, часть из них он разбил в пути, а 59 шт. не сдал вовсе. В суде обвиняемый объяснил, что были сложные дорожные условия из-за распутицы, ему пришлось ждать в Журавичах восстановления дороги, поэтому яйца израсходовал на покупку бензина и «других предметов». Суд счел аргументы не заслуживающими внимания и приговорил за хищение яиц к

7 суткам общественных работ, а также обязал удовлетворить иск продовольственного отдела, взыскав с него 59 доброкачественных яиц или деньгами по рыночной цене 413 руб. [1, л. 49]. 27.07.1942 г. было рассмотрено дело о расхищении сарая, который, по показаниям свидетелей и обвиняемых, систематически расхищался, и вскоре от него оставалась поваленная на землю ветхая гонтовая крыша и 3 столба. Обвиняемые признались в намерении забрать гонт с крыши, так как считали, что ветхие остатки не запрещено брать нуждающимся в топливе, и были оштрафованы на 50 руб. [1, л. 51]. За разрушение подвального помещения 38-летняя домохозяйка была приговорена 21.08.1942 г. к штрафу в 500 руб. [1, л. 95]. Сторож аптеки, инвалид 1892 г.р. 28.08.1942 г. разобрал погреб на дрова, объяснив проступок отсутствием денег на покупку дров, за что был оштрафован на 50 руб. [1, л. 48]. 21.08.1942 г. в суде рассматривалось дело об оскорблении действием сторожа и разрушении дома. В апреле 1942 г. имевший на иждивении ребенка гражданин забрался в барак и пытался выломать пробой в двери, но был остановлен сторожем, которого ударил по лицу; оштрафован судом на 200 руб. [1, л. 99].

Присвоение материальных благ могло классифицироваться судом как самоуправство. Суд 13.08.1942 г. рассмотрел дело о самовольном захвате гражданином земли, засеянной картофелем, за что был приговорен к семи суткам общественных работ и оштрафован на 100 руб., захваченную землю предписывалось вернуть владельцам [1, л. 105].

Имели место злоупотребления по службе. На заседании 11.08.1942 г. рассматривалось дело чиновника (должность в судебном постановлении не указана) который занимался вымогательством взяток (в 1933 г. был судим за «контрреволюционную деятельность»); гражданин был приговорен к 14 суткам ареста и штрафу 500 руб. [1, л. 84]. В другом случае суд 15.08.1942 г. рассмотрел злоупотребления четырех работников столовой № 4. Следствие установило, что в течение длительного времени в столовой производилось хищение продуктов, в пищу сверх нормы добавлялась вода, готовились недоброкачественные обеды, сверх нормы продавались обеденные талоны, что вызывало недовольство населения. На сэкономленные продукты покупался самогон. Суд приговорил первого подсудимого к 10 суткам тюрьмы и штрафу в 1000 руб., второго – к половине месяца тюрьмы и штрафу в 1000 руб., третью – к месяцу тюрьмы и 500 руб. штрафа, четвертую – к 5 суткам ареста и 1000 руб. штрафа. Трое из подсудимых уже имели судимости. Суд также дал оценку действиям бухгалтера и инспектора продовольственно-торгового отдела, которые, во время ревизии не зафиксировали нарушения, а потом выпивали и закусывали в столовой («за счет заведения»). Чиновникам был объявлен всего лишь выговор, хотя злоупотребление должностными обязанностями было налицо. Был также удовлетворен иск продовольственно-торгового отдела о возмещении недостачи продуктов (636,6 кг картофеля, 9,4 кг

гречневой крупы, 38 кг овса, 66 кг отрубей) рыночной стоимостью 3756,8 руб. [1, л. 130 – 131]. Фельдкоменданту поступило заявление гражданина, обвинившего главного инженера городского управления в получении взятки за проданный другому гражданину дом, принадлежавший ранее еврею. Заявление было передано городскому голове и далее юридическому бюро. На предварительном следствии гражданин не смог подтвердить справедливость заявления, но виновным в клевете себя не признал, а на заседании мирового суда 18.08.1942 г. заявил, что, якобы, городской инженер требовал и с него взятку салом, обещая продать ему другой дом. Суд приговорил гражданина за клевету к тюремному заключению на 7 суток и штрафу в 50 руб. [1, л. 113]. 20.08.1942 г. было рассмотрено дело о превышении полномочий комендантом 6-го жилучастка. Гражданка самовольно заняла освободившуюся квартиру по Школьному пер., была выселена полицией и вновь ее заняла. Производивший выселение комендант был оправдан, гражданка штрафована на 100 руб. и выселена из квартиры [1, л. 53].

В компетенции суда находились нарушения общественного порядка. Например, судимый до войны за хулиганство гражданин за «пьяный дебош» и нецензурную лексику 3.08.1942 г. был приговорен к 7 дням принудительных работ [1, л. 107]. 4.08.1943 г. суд рассмотрел еще одно дело «о пьяном дебоше», в котором обвиняемым выступал безработный, судимый до войны за опоздание на работу, а в период оккупации – за хулиганство и оказание сопротивления полиции, имевший приводы в полицию. Гражданин в нетрезвом виде выломал дверь в квартире гражданки и принуждал вступить с ним в половые сношения, за что был приговорен к 10-дневному тюремному заключению [1, л. 32]. Еще один гражданин в нетрезвом виде некорректно повел себя по отношению к женщинам на Быховском рынке, за что полицейский сделал ему замечание, мужчина в ответ оскорбил его и ударил. Нарушитель, 1907 г.р. (в 1929 г. за антисемитизм был осужден на 9 лет) 28.08.1942 г. был приговорен к штрафу в 300 руб. [1, л. 47]. В первый день Пасхи 1942 г. гражданин в своем доме разрешил подросткам 12 – 15 лет устроить вечеринку с танцами допоздна. В дом зашел его знакомый в нетрезвом состоянии и, привлеченные светом, пришли двое полицейских, потребовавшие у присутствующих предъявить документы. Нетрезвый гражданин отказался, нецензурно обругал полицейских и ударил одного из них. Хозяин дома «за нарушение приказа городского управления» (очевидно, за организацию вечеринки) 20.07.1942 г. был оштрафован на 100 руб., оказавший сопротивление полиции гражданин – к 10 суткам ареста с учетом предварительного заключения и штрафу в 200 руб. [1, л. 78].

Элементом оккупационной повседневности являлись бытовые конфликты, спровоцированные различными причинами. Например, в ходе судебного заседания мужчина назвал гражданина, не вернувшего ему долг,

«аферистом и мошенником», за что 7.08.1942 г. был оштрафован на 200 руб. [1, л. 136]. 13.08.1942 г. суд рассмотрел дело по обвинению гражданки в оскорблении чинов полиции, которые изъяли у нее несколько килограммов свиного мяса под предлогом ветеринарного обследования. Раздосадованная владелица оскорбила полицейских, за что была оштрафована на 200 руб. с заменой 5-ю днями принудительных работ в случае неуплаты. Одновременно суд указал шефу службы порядка на факт самовольного изъятия мяса, тогда как следовало пригласить ветврача для осмотра [1, л. 110]. Воровавшая с огорода ягодные кусты, якобы, ранее ей принадлежавшие, гражданка спровоцировала драку, нанеся другой женщине легкие телесные повреждения, за что 14.07.1942 г. была оштрафована на 200 руб. [1, л. 43]. В другом случае гражданка поймала на своем огороде курицу соседки, оторвала голову и выбросила на улицу; 21.07.1942 г. была признана судом виновной в хулиганстве и обязана возместить гражданский иск потерпевшей в 140 руб. (стоимость курицы) [1, л. 81]. Из-за потравы козами овса гражданин нанес легкие телесные повреждения двум женщинам, что подтвердилось показаниями свидетелей и судмедэкспертом, и 4.08.1942 г. был оштрафован на 500 руб. [1, л. 59]. 7.08.1942 г. суд рассмотрел дело о нанесении пожилой гражданкой побоев малолетнему. По показаниям соседей, гражданка имела неуживчивый и сварливый характер, вступила в драку с детьми, за что была оштрафована на 500 руб. Мать одного из детей за отсутствие надлежащего надзора за ребенком была приговорена к двум суткам общественных работ [1, л. 41]. В другом случае гражданка ударила палкой другую гражданку, якобы, в ответ на оскорбление, разбив куриные яйца, которые та держала в руках, за что 21.08.1942 г. была оштрафована на 100 руб. [1, л. 73]. В одном деле суд проявил снисхождение. В ходе бытовой ссоры 20-летняя гражданка, будучи на последних днях беременности, разбила кирпичом окна в соседской квартире. Принимая во внимание беременность и наличие грудного ребенка, суд 21.08.1942 г. назначил незначительный штраф в 100 руб. [1, л. 77].

Рукоприкладством могли сопровождаться семейные ссоры. В ходе ссоры между гражданскими супругами женщина выбила ухватом мужчине глаз, а через некоторое время, воспользовавшись его беспомощным состоянием, похитила у него вещи. Суд 17.07.1942 г. приговорил ее к 14 суткам ареста с учетом предварительного заключения и штрафа в 500 руб. [1, л. 96, 98]. На почве семейных неурядиц между членами другой семьи (супруги и пасынок) часто происходили ссоры, завершавшиеся драками. Женщина и ее сын от первого брака 13.07.1942 г. в драке ударили мужчину мраморным пресс-папье. Оба супруга представили медицинские справки о телесных повреждениях. Принимая во внимание, что побои были нанесены обоюдно, фигуранты дела были наказаны штрафом в 1000 руб. или 14-ю сутками ареста в случае несостоятельности [1, л. 91].

На заседании мирового суда 17.08.1942 г. трое граждан обвинялись в совершении развратных действий и оскорблении достоинства женщины. Один из подсудимых 1922 г.р. связал руки слабоумной женщины, проживавшей на квартире у его матери, совершил над ней развратные действия, за что был приговорен к месяцу тюремного заключения и двум месяцам принудительных работ; соучастников приговорили к 14 суткам принудительных работ и штрафу в 500 руб. [1, л. 86].

Небольшую группу составляют дела по типичным нарушениям постановлений оккупационных властей. Так, 20.02.1942 г. было рассмотрено дело о нарушении приказа городского управления о запрете хранения радиоприемников. Подсудимый хранил радиоприемник, обнаруженный во время обыска, на следствии заявил, что приемник оказался в квартире, куда он переехал. Суд усмотрел наличие смягчающих обстоятельств и приговорил к штрафу в 50 руб. [1, л. 79]. За нарушение режима светомаскировки 28.07.1942 г. суд приговорил двух гражданок к штрафу в 50 руб. каждую [1, л. 82]. 30.07.1942 г. суд рассмотрел дело по обвинению гражданина в нарушении правил светомаскировки, который признал вину, заявив, что была зажжена лампочка для осмотра больного ребенка. Очевидно, обстоятельство было принято судом во внимание, и гражданин получил незначительный штраф в 50 руб. с заменой двумя сутками ареста в случае неуплаты [1, л. 85]. За несвоевременную выписку квартиранта 22.07.1942 г. суд оштрафовал нарушителя на 50 руб. [1, л. 50].

Материалы Могилевского мирового суда являются информативным источником, иллюстрирующим повседневную жизнь граждан в условиях нацистской оккупации, иллюстрируют, как сложнейшая социально-экономическая ситуация влияла на поведение горожан, вынуждая многих людей совершать правонарушения, чтобы выжить. Эта практика затронула представителей различных возрастных групп, работавших и безработных граждан. Одновременно имели место правонарушения, характерные для довоенной эпохи (нарушение общественного порядка и бытовые конфликты), а также нарушение распоряжений оккупационных властей.

Литература:

1. Государственный архив Могилевской области. Ф. 255. Оп. 1. Д. 15.

**Ф.А. Свинтицкий, Могилев (Беларусь),
Могилевский государственный университет продовольствия**

УЧАСТИЕ ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В МОГИЛЕВСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

При подготовке стратегической операции “Багратион” Ставка Верховного Главнокомандования большое значение придавала